

Глава 10. Двадцать четыре часа во дворце Мувэй (конец часа у-ши)

Прежде, еще во флигеле, они не слишком вежливо поговорили, теперь же Цай Чжао сознательно смягчала атмосферу, но кто ж знал, что вся дружеская атмосфера продлится не более получаса, теперь юноша с таким переменчивым настроением без всякой причины скривил лицо.

Поднятые палочки для еды Цай Чжао замерли в воздухе, а ее глаза округлились. Она всегда отличалась покладистым характером, почему же, размышляя, она никак не могла понять Чан Нина, почему этот дурень никак не может сказать ничего хорошего?

-Твоя двоюродная бабка ясно понимала, что твоя матушка в гневе покинет семью и станет монахиней, и она, будучи старшим поколением, не отговаривала ее, кроме того, побуждала и далее младшее поколение совершать ошибки, и впрямь два цветка лотоса на нежном стебле! Такая бессмысленная глупость!

-Как ты осмеливаешься ругать старших моей семьи?! - пришла в ярость Цай Чжао.

-Я могу говорить все, что захочу, - холодно усмехнулся Чан Нин, - Ваша тетя, сестра отца, тоже была такой умной и такой любопытной, почему же она не подумала обо всех этих причинах? В самом деле я не могу в это поверить. В этом мире так много равнодушных старших, предпочитающих лицемерные принципы этого мира, чтобы ограничивать своих детей...

Цай Чжао с треском опустила палочки для еды и с суровым выражением лица сказала:

-Шисюн Чан дальновидный, умный, искореняет все подчистую, младшая сестра не достойна такой чести. Продолжение диалога - только пустая трата времени, на взгляд шисюна Чана младшей сестре незачем защищать шисюна Чана.

Она была так зла, что хотела немедленно встать и уйти, но девушка не знала, что характер Чан Нина в сравнении с ее был более крутым, не сказав ни одной фразы в защиту и мрачно усмехнувшись младшим, он поднялся и вышел наружу, и Цай Чжао, у которой отняли эту возможность, осталась на прежнем месте, разгневанная.

Сейчас Цай Чжао напоминала себе горячий чайник с открытой крышкой, непрерывно выпускающий пар.

Цай Хань неторопливо поднял голову от чашки и зашептал:

-Старшая сестра, по правде говоря, шисюн Чан только что говорил словами бабушки и внучатой тети, мама сказала примерно то же самое тете...

-Просто ешь куриные ножки!

Цай Хань продолжил шепотом:

-Старшая сестра, когда тетя еще была жива, она часто говорила, как высоко ценит великого воина Чана...

-Заткнись! Просто ешь свою ножку.

Но малыш Цай Хань был непреклонен:

-Не обращай внимания на то, что шисюн Чан ушел, но он может столкнуться с кем-то, кто его ждет, и тогда с ним сведут счеты...

-Заткнись! Жуй тихо... - Цай Чжао нервничала, оказавшись в безвыходном положении, - будь воспитанным и оставайся здесь, тебе не разрешается нигде носиться! - а затем она поднялась и пошла догонять Чан Нина.

Цай Чжао пересекала беспорядочно сновавшие туда-сюда толпы людей, по пути расспрашивая слуг, и благодаря тому, что у Чан Нина все лицо было в гнойных язвах, он привлекал внимания больше, чем трехногая жаба, независимо от того, насколько были заняты слуги, оставить его без внимания они не могли, а потому весьма связно указали Цай Чжао путь.

Выйдя через парадный вход главного зала, прошла прямо по дорожке, затем девушка свернула налево, прошла цветочный вход, вышла на заброшенный задний двор, захламленный всяким барахлом, и наконец-то увидела Чан Нина... его окружило пять «злодеев» - Ци Линбо и внешние ученики, собранные как по алфавиту.

Цай Чжао очень хотелось поднять глаза к небу - почему же ее тетя еще при жизни не говорила ей, что совершать благородные поступки и стоять на защите справедливости - это такая морока, доставляющая кучу хлопот? Она только что разозлилась до смерти, можно сказать, у нее даже не было времени, чтобы выпустить весь свой гнев, как нужно вдруг встать вверх тормашками и спасти человека!

Она подняла глаза и увидела, что нижняя кайма подола халата Чан Нина в одном месте уже оторвана, рукав также явно тянули и на нем есть рваные следы, полуденные солнечные лучи слепили глаза, и она не ясно видела его лицо. В промежутках между светом и тенью Цай Чжао никак не могла понять ослеплен ли он, но она уловила нотки раздражения и убийственного намерения.

Цай Чжао в душе заворчала - такая вспыльчивая, но бессильная натура, и ты еще можешь быть так серьезен!

У Ци Линбо (недавно в присутствии старших она была такая нежной и милой) сейчас на лице отражался весь ее мерзкий характер:

-...куда же делись твои величественные манеры, когда ты обвинял меня?! Чан Нин, я сейчас не

желаю крови твоего сердца! Ты послушно кланяешься мне, ударяясь головой о землю восемнадцать раз, а потом сожрешь собачье дерьмо, и после этого мы с тобой будем просто соучениками!

Те, что по алфавиту, зашумели и стали его запугивать.

Чан Нин холодно сказал:

-Тебе самой нравится есть собачье дерьмо, так что иди и сама ешь его, я не отниму у человека то, что он любит.

-Ты... - Ци Линбо пришла в ярость.

Цай Чжао глубоко вздохнула, одним махом поднявшись в воздух, и как унесенный ветром цветок быстро опустилась перед Чан Нином.

Чан Нин увидел стоявшую перед ним девушку, и темень в его глазах медленно рассеялась, а спрятанные в рукавах напрягшиеся руки потихоньку отпустило.

Цай Чжао развела руки и с легкой улыбкой примирительно заговорила:

-Шисюны и шицзе, предлагаю просто поговорить, предлагаю просто поговорить! - повернув голову, она увидела, что Чан Нин смотрит на нее взглядом кристальной чистоты с многозначительным намеком и как будто еще и улыбается.

Ци Линбо, стиснув зубы, сказала:

-Цигун долины Лоин - летящий лепесток осыпающихся цветов - имеет заслуженную славу, ты так эффектно перелетела. Цай-шимэй, ты пришла своевременно и, кажется мне, ты намеренно идешь против меня!

Цай Чжао было пятнадцать лет, и обычно, в подавляющем большинстве случаев, с ней было легко найти компромисс, если, конечно, речь шла не о начинке для вонтонов или тепловом режиме приготовления рыбы на пару - в таких серьезных, принципиальных делах она никогда не уступала ни на йоту. Теперь, когда она покинула долину Лоин, она обнаружила целый ряд вещей, на ее взгляд довольно банальных, однако снаружи требовалось снова и снова серьезно их разъяснять - потомки знатного рода не могут обижать слабых.

-Шицзе, только что дядя Ци специально попросил меня присмотреть за Чан-шисюном, кажется, Вы также слышали. Зачем же ставить свою младшую сестру в затруднение? - Цай Чжао тоже не улыбалась. - Мы - младшее поколение - не осмеливаемся говорить старшему поколению и нашим родителям, что не будем разделять их тяготы, по крайней мере мы не должны под пристальными взглядами на виду у всех вносить сумятицу. Несмотря на то, что пилуля Снежного лотоса довольно редка, однако она не уникальна, имеются еще, и в будущем люди из клана, путешествуя по Цзянху, рано или поздно найдут возможность получить ее, и тогда они отдадут ее шицзе, но и с тренировками не стоит медлить.

Ци Линбо, стиснув зубы, сказала:

–Я могу быть с тобой откровенной, хотя в наших размолвках с Чан Нином предлогом выступила пилюля Снежного лотоса, однако если бы не его неоднократное хамство и мое унижение, я бы не поступала так необдуманно! Если ты не веришь, то подумай над событиями во флигеле! Он такой желчный и был таким не раз и не два!

Цай Чжао замерла и, повернув голову, посмотрела на Чан Нина:

–Что ты такое наговорил шицзе?

В глазах Чан Нина появилась улыбка:

–О каком разе ты спрашиваешь?

Цай Чжао оставалось лишь, снова повернувшись к Ци Линбо, спросить у нее, что такое ей наговорил Чан Нин, чтобы так рассердить ее, Ци Линбо задрожала всем телом от злости:

–Цай Чжао, ты намеренно пытаешься меня унижить!

В это время появилась нужда во внешних учениках (по алфавиту), которые стали подавать свои реплики...

Острый на язык (первый по алфавиту) ученик:

–Шицзе по-дружески отправила отвар лекарственных трав этому из рода Чан, а он вдруг неожиданно сказал ей, что пилюля Снежного лотоса – это шедевр, исцеляющий раны, и отдать его шицзе – это тоже самое, что отдать свинье женьшень...

Шустрый ученик откуда-то сбоку (второй по алфавиту):

–Один раз шицзе специально поднесла хороший материал для кройки одежды этому из рода Чан, кто бы подумал, что эта вонючка скажет шицзе, что ее актерская игра очень напоминает служанку из приданого новобрачной, стремящуюся понравиться хозяину.

Тупой как тыква (третий по счету) ученик:

–Три месяца назад шицзе рядом с Тяньчи нанесла поражение любимому ученику из школы боевых искусств Цзиньдао, и второй шисюн дал почетное прозвище шицзе «Богиня Тяньчи», никто не ожидал, что Чан Нин скажет, что любимый ученик главы школы Цзиньдао стремился польстить главе школы и нарочно уступил шицзе. А «Богиню Тяньчи» можно переименовать в «Богиню, зависящую от отца»!

Весь в каких-то трещинах сродни финику четвертый ученик:

–В прошлом месяце...

–Довольно! Незачем больше говорить! – Ци Линбо очень хотела бы взять грязи и заткнуть всем этим идиотам рот.

Цай Чжао хотела рассмеяться, но подумала, что это будет не великодушно, и вместо этого она вопросительно посмотрела на Чан Нина.

Чан Нин холодно сказал:

-Все сказанное мной – правда.

Цай Чжао пристально посмотрела на него:

-В конце концов нехорошо оскорблять.

Чан Нин посмотрел на девушку кристально чистым взглядом прекрасных глаз, в которых так и сквозило неодобрение, и наконец прошептал:

-Я еще не выздоровел от ранений, и яд не выведен, как я смог бы свободно и по своей инициативе затеять ссору? Если бы они рядом не чесали языками, я бы не лез в чужой разговор.

Сердце Цай Чжао дрогнуло, похоже, это было разумно.

-Что за вздор! Шицзе соглашалась с тобой говорить, если бы ты уважал ее! Ты же отказался от предоставленной возможности сохранить лицо! – четвертый ученик – треснувший финик – наконец-то довел до логического конца свою незавершенную реплику.

Ци Линбо насмешливо сказала:

-Цай-шимэй, так что скажешь? Уж не станешь же ты настаивать на защите этого засранца? Я не позволю ему потерять руку или ногу, но стоит его немного проучить.

Стоявшие позади ученики в алфавитном порядке начали смеяться и шутить:

-Именно так, не будем ломать ни рук, ни ног, но ты съешь несколько собачьих какашек!

-Ха-ха-ха, собачье дерьмо – сильное укрепляющее средство, возможно, оно быстрее вылечит все ранения этого из клана Чан!

-Дельная мысль! Вы можете красиво говорить! Шицзе пожалеет и преподаст негоднику правила школы Цинцюэ...

Наступил бардак. Цай Чжао, успокаиваясь, совершила три оборота ци в даньтяне, принужденно улыбнулась:

-Шицзе, умерь свой гнев. Моя тетушка рассказывала, что в Цзянху самое важное слово – истина, некоторые события очень раздражают, однако и в них есть смысл, ты должна подавить свой гнев, ведь ничего не остается как просто потерпеть.

-Чан-шисюн рассердил шицзе и, безусловно, это возмутительно, однако он все же остался единственным уцелевшим из всей семьи Чан, и если шицзе действительно станет заставлять его есть собачье дерьмо, то сможет ли душа великого воина Чана упокоиться? Тем более Чан-шисюн сейчас ранен и болен, разве это будет победой в равных условиях? Шицзе ничего не мешает подождать, пока Чан-шисюн поправится, и когда придет время и в каком бы часу и в каком бы месте шицзе не захотела бы восстановить достоинство, младшая сестра ничего не скажет по этому поводу.

На лице Ци Линбо проявилась некоторая неловкость, она думала – тебе легко говорить, если просто ждать, когда он полностью выздоровеет и если уровень его мастерства будет невысок, то это просто вопрос времени, но если по чистой случайности его навыки превышают ее, как она восстановит справедливость?

-Более того, есть еще гражданская и военная арены, Чан Нин в конце концов и пальцем не тронул шицзе, если шицзе действительно гневается, не лучше ли его просто отрубить? У шицзе здесь численный перевес, перейдя в наступление, можно намылить шею Чан Нину словами разок, разве это не приведет к тому, что вся злость выветрится? Если шицзе не сможет придумать как верно изложить мысли, можно спуститься к подножию горы, найти несколько сказителей, они помогут все правильно сформулировать, и ты гарантированно сможешь ругаться большой час не повторяясь, – очень воодушевленно давала советы Цай Чжао.

-Ругань, какая ругань? – ничего не поняла Ци Линбо.

Чан Нин спокойно дополнил:

-Урод, зловещая звезда, злая звезда, убившая всю свою семью, сбежавший бездомный пес, бездарный отброс, ни на что не пригодный, скрывающийся в школе Цинцюэ... да великое множество.

Ци Линбо стала ругаться:

-Ты настолько толстокож и не принимаешь все близко к сердцу, зачем нужно было беспокоиться?! – так называемая ругань оскорбляет людей, если эту брань люди принимают близко к сердцу, но такой бестолковый человек, как Чан Нин, ничего не принимает близко к сердцу и бранить его впустую.

Цай Чжао была голодна, она половину дня не могла хорошо поесть, и ее терпение лопнуло:

-После всех сказанных добрых слов, если шицзе все еще не принимает чужое мнение, существуют и другие методы!

Закончив говорить, она слегка подпрыгнула и сорвала несколько цветков с листьями с нижних веток дерева персика, росшего сбоку, сжала их в ладонях и сразу же немедленно рванула вперед, кружа и справа и слева, подобно стремительной молнии оказалась перед Ци Линбо и остальными, вслед за тем послышалось па-па-па, пять звуков, и только после этого Цай Чжао отскочила на первоначальное место, вынув носовой платок, она спокойно вытерла руки.

Ци Линбо и другие опустили взгляд и увидели, что у них либо на груди, либо на плече впечатаны листья и цветы.

Цай Чжао холодно сказала:

- Даже вместе не сможете меня победить, я же пообещала дяде Ци, что присмотрю за Чан-шисюном, если шицзе чем-то недовольна, то следует отправиться к родителям и шисюнам и пожаловаться на меня, - встретившись с нахальным бродягой, умышленно напрашивающимся на конфликт, владелец лавки также не будет церемониться.

Закончив говорить, Цай Чжао немедленно схватила Чан Нина и потащила к местам за банкетным столом, за спиной им вслед доносились ругательства Ци Линбо и остальных, а она даже не прислушивалась к ним.

Ухватив Чан Нина за уголок его пао, она вернулась к столу, Цай Хань - этот ребенок - уже тяжело дышал, уничтожая четвертую куриную ножку, Цай Чжао, просверлив его гневным взглядом, начала ругать:

-Меньше мяса ешь, полюбуйся на жир на своем теле, от тебя уже можно отрезать кусок и идти им торговать!

Малыш Цай Хань меланхолично ответил:

-Старшая сестра, войди в мое положение, после поминок я последую за маминым братом для того, чтобы навестить бабушку, и на этот раз я проживу там по меньшей мере несколько месяцев. А в бабушкиной семье не только молятся Будде Амитабха, но еще питаются растительной пищей.

Цай Чжао сжала губы:

-Поменьше болтай ерунды! Бабушка тяжело больна, а ты должен успокаивать старого человека, не нужно ее провоцировать, вызывая гнев.

Маленький Цай Хань чуть не расплакался:

-У старшей сестры такое жестокое сердце, если на этот раз ты не хочешь поклониться своему учителю, тебя обязательно тоже отправят к бабушке, и тогда старшая сестра может выискивать ошибки не только в том, положили ли в фарш для вонтонов свиную лопатку или задний окорок, а и беспокоиться - правильно ли прожарена капуста или отварена либо замаринована! Кроме того, он говорил, чтобы я успокоил бабушку, ведь если старшая сестра и я пострижемся в монахи, бабушка воспрянет духом и обрадуется, согласится ли старшая сестра на такое?

Чан Нин не смог удержаться от смеха, Цай Чжао пристально посмотрела на него и снова на своего юного младшего брата, сказав ему:

-Хватит болтать чепуху, ешь свою куриную ножку... это последняя.

Закончив вразумлять Цай Ханя, Цай Чжао развернулась и села напротив Чан Нина с гордым видом и горящим взглядом.

-Говорю кратко, я устанавливаю основные правила. Первое – запрещено плохо говорить о моей тете! Второе – запрещено плохо говорить о моих родителях! Третье – запрещено плохо говорить об уважаемых мною старейшинах... Сяо Хань, ты продолжай есть – тебе запрещено перебивать!

Маленький Цай Хань сначала думал обратить внимание старшей сестры на логическую ошибку, но, услышав ее обращение к нему, он сразу же молча опустил голову и стал быстро есть мясо.

Чан Нин рукавом легко прикрыл губы, демонстрируя пару очаровательных и самодовольных глаз.

Цай Чжао заметила, что ее недавние слова грешили множеством проколов, у нее явно проявилось раздражение из-за своей бестолковости.

Она почесала свои розовые щеки и возобновила разговор:

-...не будем принимать в расчет то, что я только что сказала, установим основные правила еще раз! Во-первых, тебе не разрешено говорить плохо о почитаемом мною старшем поколении, и чудачества также не допускаются! Во-вторых, тебе запрещено задираться и скандалить, провоцировать споры, беспокоить меня саму, когда я навожу порядок. В-третьих... что будет в-третьих, я пока не придумала, дополню в будущем.

Внешний уголок вытянутого глаза Чан Нина немного приподнялся, и с минуты на минуту он уже собрался отразить нападки, но Цай Чжао перебила его сказав:

-Достаточно того, что бы ты вел себя с достоинством, и пока ты лечишься от травм, я буду присматривать за тобой и защищать тебя, ты не будешь подвергаться унижениям и приставаниям, как насчет такого?

Улыбка Чан Нина постепенно холодела, Цай Чжао горящим взглядом смотрела на него.

Чан Нин медленно сказал:

-Поскольку здесь находится глава школы Ци, со мной едва ли случится какое-то несчастье.

Цай Чжао фыркнула и засмеялась:

-Есть собачье дерьмо считается несчастьем?

Чан Нин не улыбнулся.

Цай Чжао посмотрела на порванную полу его пао:

-Ци Линбо не тот человек, который молча сносит обиды и оскорбления, пусть твоей жизни ничего и не угрожает, но унижать и оскорблять тебя будут немало. Тебе не нужно притворяться, ты в душе сам понимаешь, как тебе надоели эти мухи, от которых невозможно избавиться, теперь ты как в оковах, ты еще не выздоровел от травм, и ты беспомощен перед их трюками. Так да или нет?

Чан Нин сосредоточенно посмотрел и сказал:

-Тебе вполне очевидно не нравятся мои остроты, однако ты, как и прежде, хочешь защищать меня, это твоя тетка тебя обучила?

Цай Чжао молчала некоторое время:

-Моя тетя была действительно благородным великим воином с мягким сердцем, она уничтожала зло, помогала слабым, несла справедливость и никогда не мирилась со своими симпатиями и антипатиями. Я лишь надеюсь, что не опозорю ее, и все.

Чан Нин на мгновение посмотрел в окно и медленно сказал:

-Мой отец тоже надеялся, что я смогу стать таким, как он, но боюсь, что у меня не получится.

Цай Чжао, посчитав себя очень чуткой, произнесла:

-Если для тебя важно отомстить, естественно, ты должен вынуть из себя ярость и напрячь силы. Так каким образом ты можешь быть похож на доброго и отзывчивого воина Чана, чья благожелательность витала в воздухе?

Чан Нин отвел взгляд, его взгляд опустился на лицо Цай Чжао, он прошептал:

-Только что была моя вина, мне не следовало осуждать твоих старейшин. Просто мне кое-какие события пришли в голову...

Его интонация внезапно стала мягкой, на крышке стола он обвел своим пальцем плывущие облака и орнамент в виде летучих мышей:

-Мой отец перед смертью вверил мне присмотр за одним старейшиной, этот старейшина презираем мною, труслив, нерешителен, бесчувственен, непорядочен, стремится к легкой и праздной жизни в богатстве и знатности.

-В глубине душе я очень сопротивлялся этому, ведь что, если слова старейшин верны? Я так не думаю, но именно это сказал мой отец на смертном одре.

Пальцы юноши – бледные и длинные, с крепкими, ясно очерченными суставами, оттенялись полированным темно-коричневым цветом стола, некое изящество подобное древним вещицам, словно холодная белая нефритовая шпилька для волос, лежавшая внутри старого короба, хранившаяся из поколения в поколение в уже увядшей младшей ветви знатной семьи,

украшение, что заставляет людей смотреть на него с необъяснимой грустью.

-Так ты все же согласен? – терпеливо спросила Цай Чжао.

Чан Нин подавил свою досаду и с невозмутимым взглядом проговорил:

-По рукам.

-Отлично.

Цай Чжао взяла палочки для еды, выхватила из тарелки Цай Ханя последнюю куриную ножку и откусила от нее большой кусок под заплаканным взглядом пристально смотрящего на нее младшего брата – отвергать сильных и поддерживать слабых, нужно начинать это делать (но не следует выходить за рамки). Она лишь надеялась, что душа ее тети на небесах не будет злиться так, что ей кусок в горло не полезет.

<http://tl.rulate.ru/book/104228/4828430>